Опубликовано на Швейцария: новости на русском языке (https://nashagazeta.ch)

Актуальный документ 1767 года

25.09.2026.

ГОСПОДИ БОЖЕ МОЙ! ВОНМИ МИ, И ВРАЗУМИ МЯ, ДА СОТВОРЮ СУДЪ ЛЮДЕМЪ ТВОИМЪ ПО ЗАКОНУ СВЯТОМУ ТВОЕМУ СУДИТИ ВЪ ПРАВДУ.

Domine Deus mi! exaudi me, et da mihi intelligentiam, vt constituam iudicium genti tuae, quo secundum legem tuam sanctam dicatur ei ius.

НАКАЗЪ

КОММИССІИ О СОСТАВЛЕНІИ ПРОЕКТА НОВАГО УЛОЖЕНІЯ.

INSTRVCTIO

Coetui ad condendam ideam noui legum Codicis conuocato, plenaque ad id donato potestate.

Herr mein Gott! vernimm mich, gieb mir Verstand, dein Volk zu richten, nach deinem heiligen Gesetze und nach der Wahrheit!

Seigneur mon Dieu! fois attentif à ma voix, & donne moi de l'intelligence pour juger ton peuple selon ta sainte Loi & selon la justice.

Instruction

für die zu Verfertigung des Entwurfs zu dem neuen Gesetz-Buche verordnete Commißion.

INSTRUCTION

Pour la Commission chargée de dresser le Projet d'un nouveau Code des Loix.

Четырехъязычное издание «Наказа» Екатерины II. Санкт-Петербург, Императорская Академия наук, 1770. Русский, латинский, немецкий и французский тексты. Государственный исторический музей.

Не так давно я рассказывала вам о книге женевского слависта Жана-Филиппа Жаккара и его российского коллеги Андрея Устинова, посвященной Даниилу Хармсу и изданной Европейским университетом в Санкт-Петербурге. Профессор Жаккар говорил тогда о своем желании сотрудничать с «нормальными людьми». Хорошо, что такое желание испытывает не он один и что сотрудничество остается двусторонним. С удовольствием привожу еще один пример.

Еще в 1988 году Надежда Плавинская, ныне старший научный сотрудник Центра по изучению XVIII века Института всеобщей истории РАН, защитила диссертацию по теме «Судьба идей Монтескье в годы Великой французской революции» и с тех пор продолжала заниматься этой темой, в том числе исследуя восприятие идей Монтескье в России. Эти исследования легли в основу работы о «Наказе» Екатерины II, программном философско-юридическом тексте 1767 года, предназначенном

служить руководством для Уложенной комиссии при подготовке нового свода законов. «Наказ» стал уникальной попыткой верховной российской власти ввести в законодательную практику некоторые идеи европейского Просвещения. Исследовательская и переводческая работа была осуществлена при поддержке Института всеобщей истории Российской академии наук. И вот несколько месяцев назад новое критическое издание «Наказа» вышло в женевском издательстве Droz, отметившем в 2024 году свое столетие, в серии *Bibliothèque des Lumières*, посвященной эпохе Просвещения. Издание подготовлено при поддержке Фонда Ричарда Лаунсбери (США) в рамках программы «От “просвещенного государя” к “просвещенному деспоту”: от Монтескье до Екатерины II» Высшей нормальной школы Лиона (IHRIM).

Наличие качественного французского перевода исследования значительно облегчило задачу издательства. Как рассказал мне Шарль Сенар, возглавляющий Droz с апреля 2024 года, получив текст от известного специалиста по французской литературе XVIII века Миртиль Мерикам-Бурде, профессора Университета Лион II имени Люмьера, он с радостью принял его к публикации, поскольку речь идет об «интеллектуальной работе очень высокого уровня». Текст исследования предваряет предисловие Жоржа Дюлака, крупного специалиста по эпохе Просвещения и франко-российским культурным связям XVIII века. А уж какую радость испытали, наверное, все участники проекта, обнаружив идеально подходящую для обложки гравюру Пьера-Филиппа Шоффара 1778 года по рисунку Шарля Монне 1777 года, аллегорию императрицы Екатерины II с текстом «Наказа», в полной мере поймет лишь тот, кто мучился с обложками собственных книг!

Я не специалист по XVIII веку, но сознаю значение правления Екатерины II для истории России и ее отношений с Европой и, признаюсь, была впечатлена созвучностью некоторых положений «Наказа» 1767 года с нашей действительностью. Поэтому решила предоставить слово Надежде Плавинской: никто не расскажет об этом исследовании лучше его автора.

Надежда, Жорж Дюлак пишет во вступлении о новаторском характере Вашей работы. Что в истории создания «Наказа» показалось Вам недостаточно изученным? И сколько лет заняло это исследование?

Темой моей кандидатской диссертации была судьба идей Монтескье в годы Французской революции. Позже меня заинтересовало то, какой отклик эти идеи получили в России. Екатерининский «Наказ» – наиболее очевидный пример такого отклика, и одновременно – яркий пример культурного трансфера и циркуляции идей, поскольку, вобрав в себя достижения просветительской мысли Европы, он в переработанном виде затем вернул их в поле общественной дискуссии, развернувшейся там во второй половине XVIII в. Конечно, этот документ хорошо изучен, но историки интересовались прежде всего его идейно-политическим содержанием. Я же попыталась задать иные вопросы. Как именно императрица писала «Наказ»? Каковы были ее первоначальные замыслы? Как они изменялись в процессе работы над текстом? Как увидеть в «Наказе» границу, разделяющую собственные идеи Екатерины и идеи, почерпнутые ею в книгах других авторов? Почему тексты переводов «Наказа» так разнятся между собой? Кто и почему издавал эти переводы? и т. д. Исследование заняло много лет. Русская версия книги вышла в Москве в 2018 году.

Большинство читателей знакомится лишь с окончательной версией текста. Вы же исследуете огромный массив подготовительных материалов и показываете, как рождался «Наказ». Что этот путь от черновиков к окончательному тексту позволил понять такого, чего нельзя увидеть, читая только сам «Наказ»?

Изучая черновики, мы как бы заглядываем в рабочий кабинет Екатерины, т. е. лучше понимаем, как именно она формулировала свои мысли, сочиняя «Наказ».

Можно увидеть, что к сочинению Монтескье Екатерина подошла критически. Конспектируя «Дух законов», она сосредоточила основное внимание на проблемах соответствия законодательства общему духу нации, на принципах организации судопроизводства, а также на вопросах стимулирования торговли и регулирования численности населения. Кроме того, она оказалась восприимчивой к размышлениям Монтескье о политической свободе. Зато ее совершенно не заинтересовала ни теория климатов, ни теория разделения властей, а схема основных видов правления, служившая композиционным стержнем трактата Монтескье, была ею пересмотрена. В черновиках прослеживается даже прямая «цензура» трактата, который императрица называла своим «молитвенником». Например, она сознательно обходила стороной те разделы «Духа законов», в которых речь шла о России, и отказалась использовать слово «деспотизм» – один из ключевых терминов политической философии Монтескье.

С какими открытиями Вы столкнулись во время работы над архивами? Был ли документ, который заставил Вас пересмотреть собственные представления о Екатерине или о «Наказе»? Почувствовали ли Вы благодаря работе с ее рукописями, что стали лучше понимать саму Екатерину?

Погрузиться в «Наказ» позволил «первоначальный конспект» – самые ранние выписки из «Духа законов» Монтескье с собственными замечаниями Екатерины.

Открытия – для моего уха слишком громкое слово. Все новое, что я смогла узнать о том, как Екатерина читала Монтескье, как она сочиняла «Наказ» и как «Наказ» был воспринят ее современниками в Европе, я постаралась изложить в книге. Пересмотрела ли я при этом свои представления о Екатерине? Наверное нет. Но благодаря погружению в ее рукописи мои представления о ней несколько расширились.

> **Великое благополучие для человека быти в таких обстоятельствах, что когда страсти его вперяют в него мысли быти злым, он однако щитает себе за полезнее не быти злым.**
> ***Екатерина II, «Наказ», 1767 г. Глава V.***

Мы живем в особое, сложное время. Сегодня политическая ситуация резко осложнила российско-европейские связи, но интерес к российской истории и культуре в Европе не исчез. Было ли сложно найти издателя? Как проходил процесс подготовки книги к выходу? Пришлось ли что-то дополнить, переосмыслить или объяснить иначе, чем для русскоязычного читателя?

Ничего переформулировать не понадобилось, но дополнение есть: для французского

издания я написала новый, ранее не публиковавшийся раздел – о том, как Екатерина редактировала главу «Наказа», посвященную вопросу о крепостном праве. Издание было подготовлено и осуществлено в рамках международного исследовательского проекта, посвященного преломлению идей Просвещения в практике «просвещенного абсолютизма». В нем принимали участие также ученые из Франции, США, Италии, Венгрии и др. Проект включал в себя проведение вебинара и коллоквиума, архивные исследования, публикацию сборника статей и моей книги. Руководили проектом коллеги из École normale supérieure de Lyon. Именно они предложили осуществить критическое издание «Наказа» по-французски издательству Droz.

Во времена Екатерины «Наказ» вызвал огромный интерес в Европе, о чем свидетельствовали переводы сложнейшего текста на разные языки и его многочисленные переиздания. Почему спустя почти 260 лет к нему стоит возвращаться? Что современный читатель может найти в нем и в Вашем исследовании?

Во-первых, большинство изданий «Наказа» на иностранных языках были инициированы российским правительством. Во-вторых, моя книга адресована не столько широкому читателю, сколько исследователям, изучающим XVIII век: она содержит аналитические разделы, а также вводит в научный оборот некоторые документы, которые ранее не публиковались целиком («первоначальный конспект», рукопись «De la servitude») и некоторые исследовательские инструменты, которые могут быть востребованы историками (постатейный список источников «Наказа», хронологический список переводов). Впрочем, сам текст «Наказа» мне кажется весьма увлекательным чтением – он дает обширный материал для понимания эпохи. Хотя, конечно, русский (оригинальный) текст звучит сегодня слишком архаично и труден для современного читателя. По-французски он воспринимается легче.

«Наказ» был написан как текст, обращенный одновременно к России и к Европе. Насколько, на Ваш взгляд, для самой Екатерины было важно, чтобы Россия воспринималась частью европейского интеллектуального пространства?

В ст. 6 «Наказа» Екатерина (вслед за Монтескье) подчеркнула: Россия – держава европейская. Именно этот факт, очевидный для нее самой, должен был обосновать намеченную ею в «Наказе» масштабную и всестороннюю модернизацию подвластной ей империи. У «Наказа» была практическая цель – он должен был служить руководством для депутатов Уложенной комиссии. Однако Екатерина никогда не пренебрегала и возможностью воздействовать на общественное мнение, поэтому «Наказ», конечно, отражает ее стремление формировать положительный образ государыни в глазах ее подданных, а также положительный образ ее империи в глазах европейцев.

Федор Рокотов. Портрет Екатерины II, 1763 г. Государственная Третьяковская галерея, Москва

Екатерину часто представляют как ученицу французских просветителей. После многолетней работы над источниками Вам кажется, что она была прежде всего внимательной читательницей европейской философии или все-таки самостоятельным политическим мыслителем?

Вряд ли стоит ставить вопрос о том, что тут «прежде всего». Как я уже сказала, в ней сочеталось и то, и другое. Конечно, она была внимательной читательницей. И, замечу мимоходом, что просветители были не только французами (Беккариа – итальянец, Бильфельд – немец, Блэкстон – англичанин…), а круг ее чтения был весьма широк и не ограничивался одной только философией. Взойдя на престол в результате государственного переворота, Екатерина, особенно в начале царствования, сознательно стремилась улучшить свой имидж и склонить на свою сторону общественное мнение как в России, так и за рубежом. При этом она активно и умело использовала разнообразные инструменты и практики, которые характеризуют эпоху и культуру Просвещения: приглашение в Россию художников и ученых из Европы; приглашение иностранных колонистов и создание свободных сельскохозяйственных поселений; созыв комиссии для разработки нового свода законов и составление «Наказа»; политика веротерпимости и секуляризация церковной собственности; вынесение вопроса о крепостном праве в сферу публичного обсуждения (что не помешало ей позднее распространить крепостное право на Украину)…

Важнейшей темой для Екатерины II представляется реформа крепостного права с возможностью его отмены. Однако именно эта глава вызвала наиболее яростное сопротивление со стороны окружения императрицы. Почему, на Ваш взгляд?

Я бы не сказала, что эта тема была для нее важнейшей. Тем не менее, она над ней размышляла. Однако любые шаги, направленные на решение проблемы крепостного права, болезненно затрагивали интересы тех, кто владел крепостными. Разумеется, это относилось и к окружению Екатерины.

В итоге Екатерина II существенно смягчила уже написанную главу о крепостном праве. Современного читателя это может удивить: выходит, власть все же не была абсолютной, как принято думать?

В первоначальной версии «Наказ» содержал достаточно внятное осуждение крепостного права, но затем Екатерина отредактировала свой текст, сохранив в нем лишь глухие намеки на возможность ликвидации системы крепостничества. И все же мне кажется, что сопротивление ее окружения стало не единственным поводом к переделке текста главы. Не менее важную роль сыграли сомнения и осторожность самой императрицы, которая постепенно отказывалась от некоторых своих изначальных представлений о перспективах реформ крепостнической системы. Но я не вижу здесь признаков ограничения абсолютной власти.

Думаете ли Вы, что Екатерина опережала свое время?

Нет, она была человеком своего времени. Ярким человеком.

Часто можно услышать, что многовековое крепостное право повлияло на российскую политическую культуру и даже на привычку общества к покорности власти. Насколько убедительны для историка такие прямые связи между прошлым и настоящим?

Прошлое любой страны всегда так или иначе преломляется в ее настоящем.

Дмитрий Левицкий. Екатерина II – законодательница в храме богини Правосудия, 1783 г. Русский музей, Санкт-Петербург

Сегодня образ Екатерины II воспринимается гораздо менее однозначно, чем еще несколько десятилетий назад. Для одних она остается символом Просвещения и модернизации России, для других – воплощением имперской экспансии, крепостничества и колониальной политики. Почему оценки ее личности так сильно изменились?

Образ Екатерины никогда не воспринимался однозначно. Даже ее современниками. Оценки той или иной личности всегда обусловлены позицией оценивающего.

Екатерина была убеждена, что для России наиболее подходящей формой правления остается самодержавная монархия. Насколько эта идея оказалась долговечной? Можно ли говорить о существовании в российской политической культуре устойчивой традиции персонализированной власти?

Убеждения Екатерины определялись временем, в котором она жила, местом, в котором оказалась волею судьбы, реальными условиями, в которых она действовала как политическая фигура, и опытом, который проживала. Вряд ли идея самодержавной монархии может быть воспринята сегодня.

Как Вы восприняли демонтаж памятника Екатерине II в Одессе? Можно ли вообще отделить историческую личность XVIII века от современных политических конфликтов?

Меня гораздо больше огорчает демонтаж памятников Пушкину или Булгакову. Но борьба с памятниками велась во все времена, повсюду и под самыми разными предлогами. С 1789 года с памятниками, олицетворявшими власть короны, боролись деятели Французской революции. А сколько они замечательных замков порушили! А сколько феодальных архивов (ценных для историков) пожгли! С 1917-го борьбу с памятниками, олицетворявшими царскую власть, вели большевики. С 2017-го борьба с мемориалами Конфедерации началась в США… В современной Британии активисты требуют снести памятники лицам, «причастным» к распространению расизма, колониализма и работорговли, в том числе капитану Куку, адмиралу Нельсону и даже Колумбу. Примерам несть числа. И все же никакие сносы не могут стереть из истории имена тех или иных деятелей, поэтому даже после демонтажа памятника в Одессе Екатерина из истории этого города не исчезнет. А интерпретации и оценки ее личности и ее политики менялись и раньше и будут меняться впредь.

Историк-исследователь должен не столько давать оценки людям прошлого, сколько пытаться реконструировать мотивы их поступков, раскрывать контексты, в которых они принимали те или иные решения. Разумеется, на основе изучения их идей и деятельности.

Какова, на Ваш взгляд, перспектива российско-европейских отношений вообще и научных связей между российскими и европейскими историками в частности? Возможно ли возвращение к полноценному научному сотрудничеству независимо от политической ситуации?

Я не возьмусь обрисовывать перспективы российско-европейских отношений. Институциональные научные связи сегодня, к сожалению, разрушены, это очевидно

и объяснимо. Однако многие российские ученые сохранили связи с зарубежными коллегами на личном уровне. А политическая ситуация, как доказывает история, рано или поздно непременно меняется.

Если бы современному читателю нужно было прочитать из «Наказа» всего одну главу, какую Вы бы посоветовали и почему?

Главу V: там речь идет, в частности, о политической свободе.

А если бы Екатерина II прочитала Вашу книгу, как Вы думаете, что бы ей больше всего понравилось? И наоборот?

Вот уж не знаю.

P.-S. Друзья, я понимаю, что все исследование неспециалисту осилить трудно. Но, может, возьмемся за пятую главу, содержащую, например, такую мысль: «Равенство всех граждан состоит в том, чтобы все подвержены были тем же законам»? Кстати, в пятом разделе книги Надежды Плавинской опубликованы русский и французский тексты «Наказа», которые воспроизводятся по четырехъязычному изданию, выходившему в Санкт-Петербурге в 1770 г. Французский текст сопровождается приложением, в котором выборочные статьи «Наказа» даны в пяти различных вариантах французского перевода.

правление Екатерины II
русская история
российско-французские отношения
эпоха Просвещения
русские книги на французском языке
Надежда Плавинская

Source URL: *http://rusaccent.ch/blogpost/nakaz-ekateriny-ii-plavinskaya*